

# ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В ЦЕЛЯХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РАЗГЛАШЕНИЯ ЛИЧНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В ПРАВЕ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Наталья Перова \*

*Ограничения свободы слова, связанные с распространением конфиденциальной информации, защищают интересы национальной безопасности государства и право личности на частную жизнь. Настоящая статья посвящена анализу подходов США и Великобритании к проблеме разглашения конфиденциальных сведений в СМИ при учете интереса общества в защите свободы слова. Суды обеих стран отдают большее предпочтение свободе слова при решении дел, связанных с раскрытием личной тайны лиц, чем тех, в которых речь идет о разглашении государственных секретов.*

Несмотря на всю важность свободы слова для демократического общества, она не является абсолютным правом. Она может противопоставляться другим правам человека и интересам государства. Любое распространение информации осуществляется в определенных рамках и может быть ограничено во имя защиты других прав и интересов.

Так, свобода слова средств массовой информации в разглашении и опубликовании конфиденциальной информации может противопоставляться и ограничиваться как интересом государства в защите своей национальной безопасности, так и интересом отдельного лица в защите своей частной жизни от вторжения в нее общественности и СМИ. Поэтому необходимо разделять разглашение конфиденциальной информации, как вторжение в частную жизнь истца, и информации, составляющей государственную тайну.

## Обнародование сведений о частной жизни лица

Право на уважение частной жизни лица гарантируется статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Европейской конвенции»). Вступивший в силу в 2000 году Акт о правах человека Ве-

ликобритании инкорпорировал Конвенцию во внутреннее право страны, поэтому британские суды обязаны учитывать право на уважение частной жизни лиц при решении дел, связанных со свободой слова, равно как и требования защиты самой свободы слова.

Судья сэра Энтони Кларк предложил двухуровневый подход к рассмотрению дел о разглашении личной тайны. Вначале суду необходимо проанализировать, подпадает ли раскрытая информация под действие статьи 8 Европейской конвенции. Разделив деловую и личную информацию, далее суд по каждой из категорий отдельно должен рассмотреть вопрос, существовала ли «разумная необходимость» в защите частной информации<sup>1</sup>. Необходимо также учитывать все обстоятельства каждого конкретного дела, в том числе природу самой информации и обстоятельства, при которых она была сообщена или получена<sup>2</sup>.

В английском праве, в принципе, до вступления в силу Акта о правах человека законодательно не признавалось право на частную жизнь. И если учесть тот факт, что требования Акта о правах человека распространяются только на государственные власти, то можно говорить о том, что он не закрепляет права возбуждать иски непосредственно против средств

\* Перова Наталья Александровна, соискатель кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России

массовой информации, опубликовавших подробности частной жизни истца, потому что СМИ не являются государственной властью. Однако в Великобритании существует возможность отстаивать право на частную жизнь, используя право справедливости, если СМИ нарушили личную тайну лица, в тех случаях, когда они знали или должны были понимать, что публикуемая информация носит личный характер<sup>3</sup>. Поэтому некоторые подробности частной жизни могут защищаться судом<sup>4</sup>.

Однако это не всегда так. Примером может служить решение по делу, в котором Апелляционный суд Великобритании провел подробный анализ права на защиту частной жизни лица, – *A v. B plc*<sup>5</sup>. В нем известный футболист попытался предотвратить публикацию подробностей его любовных связей. Апелляционный суд снял временный судебный запрет, наложенный нижестоящим судом на публикацию. Судья Лорд Вульф отметил, что хотя публичные люди имеют право на частную жизнь, они должны признать, что даже незначительные факты, относящиеся к ним, вызывают большой интерес у публики. Основной вопрос заключался не в том, существует ли общественный интерес в опубликовании такой информации, а в том, имеет ли общество очевидный и законный интерес в сообщении этой информации<sup>6</sup>. Так как известные футболисты выступают в качестве примера для подражания, их жизнь должна быть открыта для общественной критики. И если пресса не сможет публиковать подробности частной жизни, меньше копий журналов и газет будет продано. Более того, если две женщины, с которыми у него была связь, имели право раскрыть информацию личного характера, значит, и пресса имеет право ее напечатать. Доктор права Фостер считает, что британские суды предоставили широкую свободу прессе в контексте публикаций о частной жизни знаменитостей, усилив концепцию «общественного интереса» так, чтобы она также относилась к информации, которая интересна публике, несмотря на отсутствие в этой информации политической или реальной общественной важности<sup>7</sup>.

Данные аргументы могут быть подвергнуты критике. Разрешение публиковать всю информацию, которая обществу интересна, будет означать практическую невозможность успеха исков о разглашении личной тайны, потому что журналисты публикуют почти всегда то, что интересует публику (иначе газеты и журналы, содержащие их статьи, не будут продаваться), даже если это очень интимные подробности личной жизни звезд. Более

того, «законный интерес» не может означать простого интереса публики: факты социальной или политической жизни, публичные действия государственных чиновников и властей могут представлять законный интерес для общества, тогда как подробности личной жизни звезд вызывают у людей простое любопытство. То есть в данном случае можно говорить о том, что законный интерес публики будет, скорее, проявляться в тех фактах, которые прямо или косвенно затрагивают жизнь остальных людей, а не являются следствием простого удовлетворения любопытства.

Поэтому хотя британские суды явно признали тот факт, что частная жизнь публичных лиц должна пользоваться меньшей защитой по сравнению с запретом на вторжение в частную жизнь других лиц, до сих пор существует большая неопределенность относительно того, как далеко пресса имеет право зайти, раскрывая информацию личного характера, для того, чтобы сделать истории о жизни звезд более реальными и правдоподобными<sup>8</sup>.

Тема общественного интереса была также поднята Верховным судом США в деле *Bartnicki v. Vopper*<sup>9</sup>, в котором суд постановил, что радиожурналист может пользоваться свободой слова, проигрывая в своей программе кассету с прослушанным телефонным разговором, в котором представитель учительского союза обсуждал время забастовки с главой местного союза. И хотя суд признал, что телефонный разговор прослушивался незаконно, но журналист не был вовлечен в ее незаконное получение (она была ему послана), и такое обсуждение, несомненно, представляло общественный интерес, поэтому журналист имел право обнародовать ее по радио. Суд посчитал, что государственный интерес в защите конфиденциальности сообщения не был достаточно существенным, чтобы оправдать присуждение компенсации за убытки. Как мы видим, в этом случае можно, скорее, говорить о «законном общественном интересе», нежели в случае с опубликованием подробностей частной жизни звезд.

В то же время суды США могут найти законный общественный интерес в публикации, которая является достойной освещения в СМИ (“newsworthy”), как это случилось в деле *Shulman v. Group W Productions*<sup>10</sup>, в котором Верховный Суд Калифорнии посчитал, что серьезно раненная в аварии женщина не может апеллировать к своему праву на неприкосновенность частной жизни, когда ее засняли в ужасных мучениях в спасательном вертолете и показали по телевидению. Суд решил, что содержание сюжета представляло законный

общественный интерес, и было неважно, что отснятый материал мог быть отредактирован с целью убрать некоторые кадры и слова пострадавшей женщины, ведь суд не может являться высшим редактором средства массовой информации. Действительно, сложно найти законный общественный интерес в показе мучений раненой женщины, когда можно было бы убрать их из кадра, и при этом реальный общественный интерес вряд ли бы пострадал.

Британские суды придают большее значение рассмотрению исков, затрагивающих нарушение неприкосновенности частной жизни, ведь их практика не имеет четкого перекоса в сторону защиты свободы слова, как в США. В одном из дел<sup>11</sup> английский суд отказался запретить публикацию в газете информации о том, что один известный телеведущий ВВС посещал бордель, при этом суд посчитал, что вследствие своей известности благодаря работе на телеканале ведущий сделал себя незащищенным от общественного наблюдения и критики, и подробности его частной жизни представляют законный общественный интерес. Однако суд далее определил, что не существует законного общественного интереса в публикации фотографии, которая может считаться очень серьезным вторжением в частную жизнь. Таким образом, описанное выше американское дело *Shulman v. Group W Productions* могло бы иметь совершенно другой результат, если бы оно находилось на рассмотрении английских судов.

Следует упомянуть еще об одном решении британского суда по известному делу, связанному с обнародованием журналистами фотографий личного характера. Речь идет о решении Палаты Лордов по делу *Campbell v. MGN*<sup>12</sup> касательно публикации материала и фотографий известной модели о ее лечении в наркологической клинике. С небольшим перевесом (3-2) Палата Лордов посчитала, что вместе с фотографиями публикация нарушила право модели на неприкосновенность частной жизни. Однако двое не согласных с большинством судей посчитали, что фотографии не добавили ничего существенного в раскрытие факта того, что топ-модель лечилась в наркологической клинике.

Решение по этому делу согласуется с рассмотренным ранее известным британским делом *Douglas v. Hello*<sup>13</sup>, в котором суд установил, что фотографии, сделанные со свадебной церемонии знаменитостей, относятся к конфиденциальной информации, и истцы могут получить компенсацию за убытки при неразрешенной публикации таких фотографий, потому что фотографии гораздо лучше

отражают то, что происходило на церемонии, чем просто словесное описание. Однако в этом деле скорее речь идет о защите коммерческой информации, и статья 8 Конвенции о защите частной жизни не имеет к этому прямого отношения<sup>14</sup>. Как полагают ученые, данное решение создает прецедент в вопросах защиты прав знаменитостей на продажу эксклюзивных прав на освещение организуемых ими мероприятий, если только при этом надежно обеспечен закрытый доступ на посещение этих мероприятий, а также подтверждает, что те, кто покупают права на такие эксклюзивы, могут в судебном порядке взыскать экономические убытки<sup>15</sup>. В этом смысле речь идет не о разглашении личной тайны, а о разглашении конфиденциальной информации в коммерческом контексте.

При публикации конфиденциальной информации помимо возмещения убытков истцы имеют право потребовать остановить ее публикацию, наложив предварительный запрет на ее опубликование. Однако суды будут более тщательно проверять, насколько этот запрет действительно нужен и отражает ли он цели его введения. Истцу скорее будет отказано в наложении предварительного запрета, если суд сможет после публикации потребовать возмещения убытков. Так было в деле *Douglas v. Hello*<sup>16</sup>, когда эксклюзивное право на фотосъемку со свадьбы знаменитостей было передано другому журналу. Суд посчитал, что предварительный запрет неуместен, так как истец уже отказался от своего права на частную жизнь, продав права на публикацию фотографий другому изданию. В этом случае истцы могут получить адекватную компенсацию путем возмещения убытков.

В то же время могут возникнуть ситуации, когда информация действительно носит конфиденциальный характер, а ее разглашение не может быть компенсировано возмещением убытков. В таких случаях предварительный запрет на опубликование материала может быть единственным возможным эффективным решением проблемы. Это относится прежде всего к делам, которые касаются разглашения государственной тайны, когда национальная безопасность оказывается под угрозой.

#### **Разглашение государственной тайны и свобода слова**

В интересах национальной безопасности государство старается предотвратить разглашение конфиденциальной информации путем принятия законов, предусматривающих ответственность за обнародование и опубликование такого рода информации, причем

ответственность могут нести не только те, кто передал секретные сведения третьим лицам (например, государственные служащие), но и те, кто воспользовался этой информацией и опубликовал ее, сделав достоянием обществу (например, журналисты).

Правовые нормы, регулирующие разглашение охраняемой законом тайны, можно определить как гражданско-правовое средство судебной защиты от раскрытия или использования информации, которая неизвестна общественности и которая была доведена до сведения при обстоятельствах, налагающих обязательство не разглашать эту информацию без разрешения того лица, который ее передал<sup>17</sup>. Информация сама по себе должна быть передана при обстоятельствах, которые предполагают обязательство конфиденциальности, при этом должно иметь место неразрешенное использование этой информации в ущерб истцу, который довел до сведения ответчика эту информацию, т.е. должна существовать обязанность не раскрывать эту информацию<sup>18</sup>.

Более того, в делах о разглашении конфиденциальной информации очень важно определить, кто разглашает информацию, или кто выступает ответчиком: является ли ответчиком государственный служащий, служащий компании или журналист, который законным способом получил эту информацию. Право будет предъявлять разные критерии и к тем, и к другим лицам. Например, стоит различать шпионаж, т.е. разглашение секретных государственных сведений другим государствам. Он не будет подпадать под защиту свободой слова. В то же время публичное разглашение государственной информации политиками и ее опубликование в СМИ может затрагивать интересы свободы слова. Позиция государственных служащих или секретных агентов будет отличаться от позиции политиков или представителей и служащих СИМ, потому что роль первых (в отличие от последних) не состоит в том, чтобы стимулировать общественную дискуссию, и запрет на распространение секретных сведений не будет рассматриваться как нарушение свободы слова<sup>19</sup>.

Важно также подчеркнуть, что в отличие от других сфер регулирования свободы слова, эта сфера часто затрагивает интересы национальной безопасности, а значит аргументы о том, что информация вызывает общественный интерес, вследствие чего она была разглашена, могут не приниматься во внимание в качестве защиты: государство будет стараться обезопасить себя от разглашения нежелательных сведений. Например, в Великобритании,

когда речь идет о разглашении государственной тайны, свобода слова может не приниматься во внимание<sup>20</sup>. Более того, в отличие от других дел, связанных с политической информацией, сообщение сведений, составляющих государственную тайну, связано, скорее, с разглашением информации, нежели с выражением мнения<sup>21</sup>.

В Великобритании разглашение конфиденциальной информации такого рода регулируется Актом о государственной тайне 1989 года. Этот Акт заменил Акт о государственной тайне 1911 года, предусматривавший уголовную ответственность для государственных служащих за неразрешенное разглашение любой официальной информации, даже если такого рода информация являлась просто неудобной или нежелательной для государства, при этом вовсе необязательно, чтобы она представляла угрозу национальной безопасности. Но после того как в деле *R v. Ponting*<sup>22</sup> присяжные оправдали ответчика, основываясь на нормах этого Акта, несмотря на правильные указания судьи, государство решило использовать гражданские санкции вместо уголовных, чтобы предотвращать раскрытие конфиденциальной информации<sup>23</sup> (т.к. в Великобритании почти во всех гражданских процессах присяжные не принимают участия).

Однако после провала гражданского процесса в нашумевшем деле, известном как дело «*Spycatcher*»<sup>24</sup>, государство решило все же реформировать уголовное право в этой сфере и издало Акт о государственной тайне 1989 года. Он запрещает раскрытие государственными служащими информации, которая содержит серьезные сведения относительно национальной и общественной безопасности, при этом в большинстве случаев обвинение должно доказать, что обнародование такой информации нанесло ущерб государству, а в случаях, когда она раскрыта сотрудниками органов безопасности или разведки, факт причинения ущерба вовсе не имеет никакого значения<sup>25</sup>. Другие категории граждан, например, журналисты также могут попасть под действие этого Акта в том случае, если они знали или могли предположить, что раскрывают информацию, которая попадает под действие Акта, а ее публикация может нанести вред государству<sup>26</sup>.

Хотя принятие вышеупомянутого Акта можно рассматривать как достижение успеха в регулировании вопроса о защите прав человека, он все равно не удовлетворяет требованиям свободы слова<sup>27</sup>. В соответствии с этим Актом ответчик не сможет ссылаться на то, что публикация затрагивает общественный интерес, и при отсутствии доказательства о

наличии ущерба, причиненного национальной безопасностью в связи с обнародованием информации, запрет такой публикации может негативным образом отразиться на свободе слова<sup>28</sup>. Несмотря на это, суды могут предоставлять некоторую степень защиты свободе слова, требуя от обвинения доказательств причинения вреда общественным интересам<sup>29</sup>.

Ответчики, которыми часто выступают средства массовой информации, также могут воспользоваться в качестве защиты аргументом о том, что информация уже была опубликована, то есть уже находится в общественном пользовании и более не является конфиденциальной<sup>30</sup>. Такой аргумент был использован в деле *Spycatcher* после опубликования мемуаров бывшего секретного агента в США и других странах. В этой связи доктор права Босма полагает, что аргумент защиты о том, что информация уже является достоянием общности, в теории расширил рамки защиты свободы слова, но интерес свободы слова все равно не будет учитываться судом при применении этого аргумента<sup>31</sup>.

Палата Лордов признала Акт о государственной тайне соответствующим требованиям свободы слова в деле *R v. Shayler*<sup>32</sup>, когда бывший сотрудник службы безопасности был осужден по нему за разглашение официальных документов в прессе. И хотя абсолютный запрет на разглашение любых документов может противоречить требованиям о пропорциональности и необходимости ограничения свободы слова в демократическом обществе, у служащих есть возможность добиться разрешения на разглашение информации, а также оспорить отказ в судебном порядке. Конечно, сложно утверждать, что такие меры будут способствовать защите свободы слова, особенно если дело затрагивает серьезный общественный интерес, но государство старается охранять свои тайны, а зачастую и просто неудобную информацию от доведения ее до сведения общественности и журналистов.

В этой связи различие подходов судов Великобритании и США особенно хорошо продемонстрировано знаменитым американским делом о раскрытии документов Пентагона<sup>33</sup>, в котором всемирно известная газета *New York Times* начала публикацию секретного доклада Пентагона о Вьетнамской войне. Правительство США попыталось через суд запретить дальнейшую публикацию материалов. Но судьи Верховного суда сочли такой подход неконституционным, выдвинув аргумент о том, что у правительства недостаточно оснований для наложения запрета на публикацию. Суд отметил, что свобода дана прессе для того, что-

бы с помощью нее общество могло осуществлять контроль за действиями правительства, разоблачать его тайные действия и возможную ложь<sup>34</sup>. Это дело наглядно продемонстрировало факт того, что государство не может помешать газете опубликовать статьи, содержащие конфиденциальную информацию, в то же время никто, в том числе сама газета, не может требовать от государства разглашения документов Пентагона<sup>35</sup>.

Однако несмотря на широкомасштабную защиту свободы слова, которую предоставляет Первая Поправка Конституции США в интерпретации Верховного суда, правительство США находит способы скрыть от общественности неудобную ему информацию и предотвратить свободное распространение идей. Такому сокрытию информации способствует тот факт, что Верховный суд отказался интерпретировать Первую Поправку как предоставляющую право на доступ к информации. Первая Поправка не предоставляет права требовать от государства раскрывать информацию, которую оно не желает раскрывать, поэтому по практическим и историческим причинам суд принимает решения, проводя четкое различие между правом сообщать то, что человек знает, и правом требовать того, что он хочет знать<sup>36</sup>. Пресса не имеет отдельного права на доступ к секретной информации, она может ее получить только тогда, когда какой-нибудь государственный служащий ее раскроет.

Однако правительство может намеренно скрывать не только сведения, разглашение которых несет угрозу национальной безопасности, но и информацию, которая просто ставит его в неудобное положение перед обществом или провоцирует излишние вопросы или критику. Так, администрация бывшего президента США Дж. Буша избрала политику секретности по отношению ко многим государственным сведениям. Слишком большое желание правительства использовать защиту секретностью парализовало распространение нужной информации на темы общественной дискуссии<sup>37</sup>. Высказывалось даже мнение о том, что такая секретность сознательно и крепко связала руки Конгрессу, прессе и общественности при осуществлении ими контроля за правительством, что подорвало жизнеспособность демократических институтов стран<sup>38</sup>. Как считает известный американский юрист Шульхофер, «нельзя не предположить, что та секретность, которая существовала при администрации Буша, меньше относится к войне с терроризмом, чем к желанию освободить исполнительную власть от демократического контроля»<sup>39</sup>.

Таким образом, несмотря на либеральный подход судов США к раскрытию и опубликованию конфиденциальных сведений журналистами, государству удается скрывать неудобную для себя информацию за пеленой секретности путем исключения права журналистов и общественности на доступ к

информации из-под защиты Первой Поправки. Британские же суды будут привлекать к ответственности журналистов даже за то, что они распространили сведения, составляющие государственную тайну, даже если эти сведения были ими получены на вполне законных основаниях.

## RESTRICTIONS ON FREEDOM OF SPEECH FOR THE PURPOSES OF PREVENTION OF DISCLOSURE OF PERSONAL INFORMATION AND OFFICIAL SECRETS IN THE LAW OF THE UNITED STATES AND THE UNITED KINGDOM

Restrictions on freedom of speech linked to the dissemination of the confidential information protect national security of a state and an individual's right to privacy. This paper is dedicated to the analysis of the approaches used in the US and the UK towards the issue of disclosure of confidential information in the mass media with regard to the interest of the public at large in the protection of the freedom

of expression. The courts of both countries favour the freedom of expression in deciding the cases, involving the right to privacy, rather than the cases where official secrets are at stake.

Natalya Perova, Research Student, Department of Constitutional Law, MGIMO (University) under the Ministry for Foreign Affairs of Russia

### Ключевые слова:

свобода слова; свобода самовыражения; право на защиту личной тайны; защита государственной тайны; конфиденциальные сведения; ограничения прав и свобод; конституционные права и свободы.

### Keywords:

freedom of speech; freedom of expression; right to privacy; protection of official secrets; confidential information; limitation of rights and freedoms; constitutional rights and freedoms.

### Литература:

- <sup>1</sup> McLean A., Mackey C. Is there a law of privacy in the UK? A consideration of recent legal developments // *European Intellectual Property Review*. 2007. № 29(9). P. 392.
- <sup>2</sup> Ibid. P. 393.
- <sup>3</sup> Barendt E. *Freedom of Speech*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 232.
- <sup>4</sup> См., например, защиту супружеской тайны в деле *Argyll v. Argyll* [1967] Ch 302, Ch D.
- <sup>5</sup> *A v. B plc* [2003] QB 195.
- <sup>6</sup> *A v. B plc* [2003] QB 195, para. 11 (xii).
- <sup>7</sup> Foster S. Press freedom and the private lives of public figures: fundamental human rights in the balance // *Coventry Law Journal*. 2004. 9(1). P. 56.
- <sup>8</sup> Ibid. P. 56.
- <sup>9</sup> *Bartnicki v. Vopper* 532 US 514 (2001).
- <sup>10</sup> *Shulman v. Group W Productions* 74 Cal Rptr 2d 843 (Cal, 1998).
- <sup>11</sup> *Theakston v. MGN* [2002] EMLR 398.
- <sup>12</sup> *Campbell v. MGN* [2005] UKHL 61; [2005] 1 W.L.R. 3394.
- <sup>13</sup> *Douglas v. Hello!* [2001] QB 967 и *Douglas v. Hello!* (No. 3) [2003] 3 All ER 996.
- <sup>14</sup> McLean A., Mackey C. Is there a law of privacy in the UK? A consideration of recent legal developments // *European Intellectual Property Review*. 2007. № 29(9). P. 393.
- <sup>15</sup> Ibid. P. 394.
- <sup>16</sup> *Douglas v. Hello!* [2001] QB 967.
- <sup>17</sup> Nicol A., Millar G., Sharland A. *Media Law and Human Rights*. Oxford: Oxford university press, 2009. P. 173.
- <sup>18</sup> *Coco v. A N Clark Ltd* [1969] RPC 41, 47.
- <sup>19</sup> Barendt E. *Freedom of Speech*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 194.
- <sup>20</sup> Bosma H. *Freedom of Expression in England and under the ECHR: in Search of a Common Ground*. A Foundation

for the Application of the Human Rights Act 1998 in English Law. Antwerpen, 2000. P. 75.

<sup>21</sup> Barendt E. Freedom of Speech. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 193.

<sup>22</sup> R v. Ponting [1985] Crim LR 318.

<sup>23</sup> Barendt E. Freedom of Speech. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 195.

<sup>24</sup> A-G v. Guardian Newspapers Ltd (No. 2) [1990] 1 AC 109.

<sup>25</sup> Акт об официальных секретах 1989 года, статья 1(1).

<sup>26</sup> Статья 4.

<sup>27</sup> Barendt E. Freedom of Speech. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 196.

<sup>28</sup> Ibid. P. 196.

<sup>29</sup> Bosma H. Freedom of Expression in England and under the ECHR: in Search of a Common Ground. A Foundation for the Application of the Human Rights Act 1998 in English Law. Antwerpen, 2000. P. 94.

<sup>30</sup> Barendt E., Hitchens L. Media Law: Cases and Materials. – Essex: Longman, Pearson Education Ltd, 2000. P. 393.

<sup>31</sup> Bosma H. Freedom of Expression in England and under the ECHR: in Search of a Common Ground. A Foundation for the Application of the Human Rights Act 1998 in English Law. Antwerpen, 2000. P. 77.

<sup>32</sup> R v. Shayler [2003] 1 AC 247.

<sup>33</sup> New York Times v. US 403 US 713 (1971).

<sup>34</sup> Рихтер А.Г. Современное право средств массовой информации в США. М., 1997. С. 62.

<sup>35</sup> Stone G.R. Liberte d'expression et securite nationale // Zoller E. La liberte d'expression aux Etats-Unis et en Europe. Paris, 2008. P. 228.

<sup>36</sup> Ibid. P. 228.

<sup>37</sup> Ibid. P. 231.

<sup>38</sup> Ibid. P. 231.

<sup>39</sup> Schulhofer S.J. No checks, no balances: discarding bedrock constitutional principles // Leone, Anrig. War on our Freedoms: Civil Liberties in an Age of Terrorism. New York, 2003. P. 91.